

П.А. ПЛЮТТО

ОБЩЕСТВО И АРХИВЫ

(ИЗ ИСТОРИИ ЛИЧНОГО АРХИВНОГО ФОНДА А.А. БОГДАНОВА)

История личного архива известного русского философа, ученого и политического деятеля А.А. Богданова (Малиновского) после смерти его владельца начинается с разделения этого архива на две части. Наследник теоретической части, друг и ученик Богданова, «рабочий-философ» В.В. Глаголев (Вольский) хранил богдановские рукописи философских и научных сочинений, доклады, статьи и другие произведения творческого характера. Однако определенная часть рукописей, документы личного характера и эпистолярное наследие (например, переписка А.А. Богданова и И.И. Скворцова-Степанова) остались в семейном архиве Малиновских.

Вторая часть богдановского архива для исследования оказалась недоступна: по устному свидетельству А.А. Малиновского (сына), летом 1989 г. пожар уничтожил большую часть документов. История части архива Богданова, оказавшейся вне его семьи, гораздо сложнее.

Не исключено, что при аресте В.В. Глаголева был арестован и его архив. На запрос от 2 октября 1990 г. за подписью начальника объединения «Мосгорархив» А.С. Киселева в тогдашний КГБ СССР относительно участи В.В. Глаголева и его архива последовал ответ начальника Центрального архива КГБ СССР Н.К. Гриценко от 24 октября 1990 г., что «в Центральном архиве КГБ СССР сведений в отношении ареста, осуждения Глаголева В.В. (Вольского) и его архива не имеется». Исходя из данных ответа можно заключить, что в Центральном архиве хранится дело об аресте А.А. Богданова 7 сентября 1923 г. по подозрению в причастности к оппозиционной группе «Рабочая Правда». В отношении других данных Н.К. Гриценко рекомендовал обратиться в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В соответствии с этим на наш запрос в РЦХИДНИ (бывший ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС) из дела фонда 259 (личный фонд А.А. Богданова) была выдана справка следующего содержания:

«СПРАВКА о поступлении документов в ф. 259
«Богданов А.А.»

Дата поступления	От кого поступили документы	Состав документов
11.08.35 г.	Получено Дирекцией ИМЭЛ от Раппопорта из Парижа через НКВД	Рукописи статей и книг Богданова
10.05.37 г.	От Наркоминдела М. Литвинова (переданы б. секретарем МСБ К. Гюисмансом)	Документы по истории партии*
01.07.38 г.	Получено Дирекцией ИМЭЛ от НКВД	Письма, записки, конспекты, тезисы, статьи Богданова
04.12.50 г.	Получено Дирекцией ИМЭЛ от неизвестного лица	Копия статьи или письма Богданова
30.07.76 г.	От КГБ при Совете Министров	Письма Богданова и замечания к статьям

* Состав и местонахождение данной группы документов по учетной документации определить невозможно.

27.01.92 г.

Научный сотрудник секции учета
и комплектования РЦХИДНИ И. Ярмоленко»

Как видим, богдановские документы передавались НКВД—КГБ в ИМЭЛ дважды. В нашей власти остается лишь предположить: оба ли раза это были части богдановского архива, переданные В.В. Глаголеву, или такая передача имела место непосредственно в 1938 г., а в 1976 г. были переданы «письма и замечания к статьям», попавшие в НКВД—КГБ при аресте иного лица. Во всяком случае, интересен факт самого механизма передачи документов НКВД—КГБ в ИМЭЛ—ИМЛ, одинаково действовавший на протяжении почти 40 лет, в столь, казалось бы, разные эпохи, как 1938 и 1976 гг. Здесь мы вплотную подходим к важной и малоизученной проблеме истории комплектования государственных и партийных архивов за счет личных архивов по цепочке: арест личного архива — архив НКВД—КГБ — государственный или партийный архив. История личного архива А.А. Богданова — лишь один из примеров насильственной «партизации» личного интеллектуального имущества, когда в роли «архивариуса» выступал небезызвестный репрессивный государственный орган. В подобных «уголках» истории архивного дела не только обнаруживаются новые материалы для исследования. Проникая в них, мы можем понять, каким образом формировалась наша социальная память, что с нею стало.

В этой связи примечателен факт некоторого совпадения истории архива Богданова и истории архивов Каменева или, скажем, Зиновьева. После ареста последних двух лиц их архивы прошли уже известный нам путь через НКВД в ЦПА. Затем в Центральном партархиве из этих личных собраний были образованы личные фонды — документы были упорядочены и описаны. Один экземпляр такой описи высылался обратно в НКВД. В последующие годы, судя по отчетам ИМЭЛ и некоторой части его секретной переписки, инициатива сообщения в органы государственной безопасности содержания новых поступлений в ЦПА исходила уже от самого руководства Центрального партархива. Однако в случае с архивами Каменева и Зиновьева, очевидно, сам НКВД запрашивал подобные описи. В истории с передачей архива А.А. Богданова в июле 1938 г. пока в достаточной степени вероятны оба случая. В секретной переписке ЦПА за 1938 г. хранится на этот счет следующая машинописная копия':

«№446с

НКВД

4 Отдел т. Церпенто

Секретно

15 июля 1938

Посылаем Вам опись архива Богданова (Малиновского) А.А., переданного в ИМЭЛ.

Отв. Секретарь ИМЭЛ

(А. Потехин)»².

За сопроводительной запиской А. Потехина в секретной переписке ИМЭЛ содержится сама опись, о которой Потехин пишет³. Это 2-й или 3-й машинописный экземпляр, подлинник за подписью «и.о.зав. Партархивом ИМЭЛ» Е. Голубевой. Дата составления описи — 11/VII—38 г. (сам архив, как мы уже знаем, поступил в ЦПА 01.07.38 г.).

Опись, включающая 123 дела (фактически 123 документа) составлялась, видимо, в самом спешном порядке. С дела 1а по дело 8 в опись включены листовки, которые Богданов составлял в 1905 г. от имени Петербургского Комитета РСДРП, являясь одним из активных руководителей данного Комитета в период революции 1905 г. (листочки помечены январем—октябрем 1905 г.). В современной описи личного фонда А.А. Богданова в РЦХИДНИ эти листовки отсутствуют. Однако, если изъятие листовок из фонда в качестве печатной продукции или по причине простого незнания о принадлежности их перу Богданова еще можно как-то объяснить, то остается совсем неясным отсутствие в современной описи некоторых рукописей, присутствующих в описи 1938 г. Объяснений этому может быть несколько: либо, например, при составлении новой описи были кардинально изменены заголовки дел,

либо часть рукописей принадлежали не Богданову, а, например, В.В. Глаголеву, документы которого могли быть перемешаны с богдановским архивом (о попытке создания А.А. Богдановым «драмы "Разрыв"» нам, например, впервые стало известно лишь из этой описи 1938 г.⁴). Во всяком случае само предположение о неправомерном разрушении личного фонда — изъятии из него документов, показавшихся архивистам ЦПА «непрофильными» (какой, однако, «профиль» у личного архива?), подтверждается отсутствием в современной описи богдановских документов, видимо, переданных в другие фонды.

В целом можно с уверенностью сказать, что в 1938 г. в ЦПА из НКВД поступила основная масса (больше половины) документов личного архивного фонда А.А. Богданова: из 4 089 листов богдановских документов, которые хранятся в его фонде теперь, 2 289 листов были переданы согласно описи 1938 г.

Важную часть истории передачи богдановского архива из-за рубежа удалось обнаружить в фонде дирекции ИМЭЛ, в папке с надписью «Секретное дело № 14 (1-ая часть) с общей секретной перепиской ИМЭЛ» за 1935 г. Текст документа представлял собой подлинник письма В.В. Адоратскому в виде машинописного экземпляра на бланке главного редактора издательства «Художественная литература» И.К. Луппола, где подпись Луппола и приводимый им парижский адрес Ш. Раппопорта — автографы:

«Не подлежит оглашению
31/VIII 1935 г.

Уважаемый Владимир Викторович!

В Париже Шарль Раппопорт передал мне часть архива покойного А.А. Богданова, которую он, по его словам, получил от одной дамы, имя которой он мне не назвал. Я выдал ему расписку в том, что получил материалы для ИМЭЛ. Материалы я направил диппочтой через полпредство непосредственно в адрес ИМЭЛ на Ваше имя. На днях, очевидно, они уже должны быть у Вас.

Сам я просмотрел их бегло. Не думаю, чтобы они представляли "совершенно исключительный" интерес, но полагаю, что все же они имеют значение и место им только в ИМЭЛ. Поэтому-то, когда Ж. Раппопорт предложил их мне, я сейчас же назвал ИМЭЛ.

Кроме оригинала рукописи "Науки об общественном сознании" и одного тома полит. экономии, там есть оригиналы его лекций или докладов на франц. языке, в частности доклад о переливании крови (относится еще к довоенному времени), а также, что особенно важно, несколько оригиналов статей и писем партийного содержания. Значения их я не мог определить, не имея с собой никакой литературы.

Рад, что таким образом мог принести хоть некую пользу ИМЭЛ'у.

Очень просил бы Вас по получении материалов написать маленькую благодарность Ш. Раппопорту. Ему недавно исполнилось 70 лет, и ЦК КПФ тепло приветствовал его.

Адрес Раппопорта: 28, Rue Vicq d'Azir Paris (10^e).

Дружески Ваш: И. Луппол»⁵.

Следующий лист в этом же деле — машинописная копия письма-благодарности Ш. Раппопорту:

«Без №»

Париж

Шарлю Раппопорту

Уважаемый товарищ,

Институт Маркса—Энгельса—Ленина получил часть архива покойного А.А. Богданова. ИМЭЛ приносит Вам благодарность за присланные подлинники, которые мы присоединим к хранящимся у нас в архиве документам по истории социализма.

Разрешите одновременно с этим приветствовать Вас и принести сердечные поздравления и пожелания к вашему 70-летию.

Директор ИМЭЛ:

(В. Адоратский)»⁶.

Иных прямых сведений о поступлении богдановских документов из-за рубежа в 1935 г. нам обнаружить не удалось. Тем не менее, в деле фонда А.А. Богданова хранится еще один документ, способный пролить свет на историю

заграничных поступлений архива Богданова. Его копия выглядит так:

«Народный комиссар
по
иностранным делам
"5" мая 1937 г. №912

Испарт при
Институте Ленина
г. Волину

[Надпись чернилами: К документам 10/V 37 Тихомирнов]

Я получил через наше Брюссельское Полпредство от бывшего секретаря Международного Социалистического Бюро К. Гюисманса пакет, оставленный ему в свое время на хранение покойным Богдановым. Находящиеся в пакете документы относятся главным образом к борьбе с группой "Вперед" и "отзовистами" и таким образом имеют отношение к истории партии, а потому я этот пакет Вам и пересылаю.

Литвинов».

В этом документе за подписью наркома М.М. Литвинова о передаче Гюисмансом Богдановских документов особое внимание привлекает фраза о том, что пакет, переданный Гюисмансом, был оставлен «ему в свое время на хранение покойным Богдановым». Это представляется нам в виде своеобразного показателя зарубежного круга общения Богданова-социалиста, характерной для него «европейской» толе-зантности.

Для истории же его архива, как немаловажный факт, можно, в заключение, отметить, что не только приобретение богдановских документов, но и вся передача в СССР русской части архива Международного Социалистического Бюро в целом не встретила особых затруднений. В отчете Тихомирнова от 21 октября 1935 г. о переговорах, касающихся приобретения ИМЭЛ документов за рубежом, есть в частности, такой пункт:

«Переговоры с Фр. Адлером.

Помимо основных переговоров по поводу архива Маркса и Энгельса я поставил перед Фр. Адлером вопрос о передаче нам русской части архива Международного Социалистического Бюро вместе с рядом писем Ленина. Он ответил мне, что по этому поводу не будет никаких особых возражений и обещал выяснить у Гюисманса, почему эти документы еще не выделены из архива для нас.

По этому делу обещал также помощь, но только через посредство других лиц, т. Щволайцкий»⁷.

Общий вывод из нашей попытки краткого «введения» в историю комплектования Богдановского архива в РЦХИДНИ, проиллюстрированного «живыми» документами, является, на наш взгляд, чрезвычайно обнадеживающим в плане научной разработки истории личного архива выдающегося ученого, чье имя долгие годы находилось под пудом молчания и чьи идеи были искажены и раздавлены критикой, далекой от научного беспристрастия. Но главное даже не в этом: на примере истории архива Богданова ясно можно увидеть, что дисциплина истории и организации архивного дела выходит ныне на принципиально новый уровень. Она нуждается в социологизации. Меняется наше представление об истории отечественных архивов; все более становится ясно непреложная необходимость в кардинальном переосмыслении и — в будущем — «переписывании заново» этой истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РЦХИДНИ. Ф. 71. оп. 3. Д. 118. Л. 379.

⁷ «Ответственный секретарь» А. Потехин заведовал секретной частью ИМЭЛ. См.: Там же. Л. 234. Там же. Л. 378—375 об. (пагинация обратная).

По описи 1938 г. дело 114 имеет заголовок «Рукопись Богданова (Малиновского) А.А. из «драмы "Разрыв"». Среди литературных произведений, значащихся в современной описи, личного фонда А.А. Богданова в РЦХИДНИ удалось обнаружить (помимо некоторых автографов богдановских

стихотворений) лишь «рассказ о революционном движении» (заголовок в описи из дела 31) и дело 19 — «Пьеса "Инженер Мэнни" (драматическая хроника из истории Марса) и план пьесы. Автограф (1912 г.)». Интересно отметить, что первая глава известного романа-утопии А.А. Богданова «Красная Звезда» (1908 г.) также называется «Разрыв», однако, ни рукописи этого романа, ни каких-либо набросков к его первой главе в личном фонде Богданова в РЦХИДНИ обнаружить не удалось.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 60. Л. 244.

⁶ Там же. Л. 245. Многие разрозненные листы, определенные в описи 1938 г. в отдельные дела (например, д. 44 — «Выписка Богданова А.А. из сочинения Леонтьева К. о формах материи (автограф, б/д, 1 л.)», д. 45 — «Отрывок из статьи Алексинского по поводу критики Богданова в вопросе "духовной культуры" (автограф, б/д, 1 л.)», д. 50 — «Конспект Богданова (Малиновского) А.А. "К тектологической переработке основ математики" (автограф, б/д, 22 л.)», д. 78 — «Заметки Богданова (Малиновского) А.А. по поводу мысли и языка (автограф, б/д, 4 л.)», д. 89 — «Конспективный набросок Богданова (Малиновского) А.А. под заголовком "Плеханов за 20 лет" (автограф, б/ц, 1 л.)» и др.) собраны в деле № 44 современной описи 1 фонда Богданова. Интересно отметить, что в том же деле хранятся даже обложки от одной из тетрадей Богданова, в которые был переплетен его архив, причем, если на последней из них присутствуют его черновые заметки, то на первой — две надписи: «Архив Богданов'а» и «От Ш. Раппопорта». Первая надпись — черными чернилами — вероятно, принадлежит самому Раппопорту (РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 44. Л. 175).

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 63. Л. 114.

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА*...

В новом (1989) перечне общественных наук, изучаемых в нашей высшей школе, отсутствует курс «История КПСС». Вместо него введена «Социально-политическая история XX века», охватывающая широкий спектр социальных течений и политических организаций в рамках XX столетия. На этом стыке истории и социологии представляют безусловный интерес те оттенки политической мысли, которые составляли «субстанцию», колорит основных политических партий России в начале века.

В РЦХИДНИ, в фонде А.А. Богданова, хранится работа В. Базарова (В.А. Руднева) «А.А. Богданов (Малиновский), как мыслитель (1873—1928)», где Владимир Александрович (близко знавший А.А. Богданова), в частности, пишет: «Ленин, несмотря на всю остроту политической борьбы с Плехановым и его сторонниками-меньшевиками в области теории, — в особенности, философской теории, — продолжал относиться к Плеханову, как ученик к учителю, и в философской расправе между Богдановым и Плехановым был на стороне последнего. Однако, до тех пор пока Богданов оставался ближайшим сподвижником Ленина на поприще революционной практики, пока он, употребляя выражение М.Н. Покровского, играл роль «вице-лидера» большевизма, теоретическое разногласие между лидером и вице-лидером не принимало острых форм, не выходило наружу и проявлялось лишь в шуточной пикировке в интимных беседах.

Эта практически полная публикация документов Богданова, хранящихся в Публичной библиотеке Женевского университета, призвана дополнить наши изыскания в области истории и социологии богдановского архива, хранящегося ныне в РЦХИДНИ.

Этот *modus vivendi* существенно изменился во втором пятилетии 20 века, в эпоху реакции, наступившей после революции 1905—6 годов, когда Богданов по целому ряду политических вопросов разошелся с Лениным и стал во главе особой группировки в рамках большевистской фракции»¹.

Речь идет о группе «Вперед» (декабрь 1909 — август 1917 гг.). В состав данной группы входили Г.А. Алексинский, К.А. Алферов (Яков), И.Г. Батышев (Юлий), А.А. Богданов (Максимов), М. Горький, В.А. Десницкий (Строев), Израилевич (Леопольд), Ф.И. Калинин (Аркадий), В. Косырев (Борис), П.И. Лебедев-Полянский (Валериан Полянский), Я. Лобанов (Станислав), А.В. Луначарский (Воинов), М.Н. Лядов, Д.З. Мануильский (И. Безработный), В.Р. Менжинский (Степинский), М.Н. Пок-ро'вский (Домов), А.В. Соколов (Ст. Вольский), Илья Трайнин, Н. Устинов (Вася), М.Г. Цхакая, В.Л. Шанцер (Марат), М.Я. Яковлев (Арсений) и др. Некоторое время к группе «Вперед» близко примыкал Л.Б. Красин. Группа имела кружки в Париже и Женеве. В России и Грузии — тифлисский идейный кружок, несколько единомышленников в Петербурге.

А.А. Богданов идейно возглавил эту группу на первом этапе ее существования (1909—1911). В октябре 1909 г. им была написана платформа группы «Современное положение и задачи партии». Помимо осмысления политического положения и задач, стоящих перед большевизмом, в платформе отмечалось: «Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении, в то время как классовая борьба и наш социальный идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторической создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпнуть могучее оружие для борьбы с тем же старым миром. Принимать ее так, как она есть — значило бы сохранять в себе и то прошлое, против которого ведется борьба.

Выход один: пользуясь прежней, буржуазной культурой, создавать и противопоставлять ей, и распространять в массах новую, пролетарскую: развивать пролетарскую науку, укреплять (далее в рукописи зачеркнуто: пролетарскую нравственность. — П.П.) истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию [...]»². Этот пункт платформы далее развит А.А. Богдановым в статье «Социализм в настоящем» в периодическом органе группы — журнале «Вперед»³.

Данные богдановские идеи были подвергнуты критике со стороны членов идейного кружка группы «Вперед» в Париже — Г.А. Алексинского, М.Н. Покровского, В.Р. Менжинского, Д.З. Мануильского. Острота ситуации привела к уходу А.А. Богданова из группы. «Весной 1911 г., — пишет Александр Александрович в автобиографии, — когда группа "Вперед" стала отходить от культурно-пропагандистской работы к политике в заграничном духе, я вышел из нее и ушел от политики; писал потом, до революции, только пропагандистские статьи в "Правде" и др. рабочих органах»⁴.

В Публичной библиотеке Женевского университета, в фондах периодического издания группы (сб. «Вперед») хранятся фрагменты переписки ее членов⁵. Копии данных писем были любезно предоставлены Женевским университетом объединению «Мосгорархив» в связи с готовящимся изданием архивных документов, посвященных А.А. Богданову. Были получены письма Г.А. Алексинского, А.А. Богданова (Максимова), П.И. Лебедева-Полянского, Д.З. Мануильского, М.Н. Покровского за 1911—1914 гг. (всего 13 шт.).

Письма эти, представляющие интерес для широкого круга исследователей, особенно важны, на наш взгляд, для внимательного изучения жизни и деятельности А.А. Богданова.

Вот, например, что писал П.И. Лебедев-Полянский относительно разрыва между членами группы⁶: «Прежде всего, тт. Ал[ексинск]ий и Без[работн]ый напали на т. Л[уначарск]ого⁷ по вопросу о пролетарской культуре. Они прямо заявили, что это вопрос никчемный, что никакой пролетарской культуры они не признают и знать не

хотят, и не признавали при самом вступлении в группу "Вперед", что работа в этом направлении со стороны тт. Б[огдан]ова и Л[уначарск]ого носит ревизионистский характер, и что впередовцы должны выступать против них, как и ленинцы. Сам т. Ал[ексинск]ий поместил в «Современном Мире» (1911, летн. мес.) пасквильную рецензию на брошюру т. Б[огдан]ова «Культурные задачи нашего времени», — теперь грозит новым пасквилем, б[ыть] м[ожет] еще более хлестким и позорным. О печатных трудах т. Л[уначарск]ого и т. Б[огдан]ова они вообще отзываются довольно брезгливо [...]

Итак, основная причина раскола кроется в различном понимании вопроса о пролетарской культуре. Одни считают этот вопрос в постановке тт. Б[огданов]ым и Л[уначарск]им признаком ревизионизма, другие — душой впередовства, так как всякий вопрос пролетарского движения (профессиональный, политический, организационный) получает правильное освещение через призму пролетарской культуры⁸.

Другой пример — письмо П.И. Лебедева-Полянского от 20 июня 1912 г. «По поводу "положений избирательной кампании и тактики", изданных редакцией "Вперед"», заканчивающееся фразой: «Теперь время учиться говорить не по-немецки, а по-французски»⁹. В записных книжках А.А. Богданова соответственно читаем (относительно более раннего периода): «Motto (Девиз, лозунг (ит.). — П.П.) 1909—1910. "Пора перестать говорить по-французски, надо научиться говорить по-немецки"»¹⁰.

Наибольший интерес, однако, для изучающих творчество А.А. Богданова, представляют автографы трех писем самого Александра Александровича.

К одному из них — почтовой карточке от 13 марта 1914 г. — приложена газетная вырезка «Письмо в редакцию "Пролетарской Правды"» А.А. Богданова относительно отстранения его от работы в этой газете в начале 1914 г. Как видно из текста, А.А. Богданов состоял сотрудником «Пролетарской Правды» «в течение 1913 г.». И письмо, и газетная вырезка, направленные Богдановым весной 1914 г. из России в Женеву, представляют интерес для специального подробного исследования биографии Богданова, которое до сих пор отсутствует как у нас в стране, так и за рубежом.

Два других письма А.А. Богданова в Женевский идейный кружок «Вперед» интересны не только с фактической стороны, но и со стороны изучения теоретических взглядов А.А. Богданова.

Весьма интересно взглянуть, в связи с этим, на проблему «Ницше—Богданов». В письме Богданова от 7 марта 1912 г. (он еще находился за границей) встречаем цитату: «... если бы от меня зависело "толкнуть падающего", я сделал бы это».¹¹ Относительно этого, пожалуй, одного из самых известных ницшеанских афоризмов, Л. Шестов писал в начале века: «Русская публика с ужасом услышала весть о рождении в Европе нового направления — ницшеанства, вождь которого проповедовал беспощадную суровость к слабым и несчастным. "Что слабо — то нужно еще толкнуть". "Не желай быть врачом у безнадежно больного..."»¹². В работе современного философа М. Михайлова «Великий катализатор: Ницше и русский неоидализм» (1984), вышедшей «в весьма репрезентативном сборнике "Ницше в России"» (Принстонский университет, 1986), проведена такая классификация русских мыслителей: «... В то время, как марксистских "богостроителей" — Горького, Луначарского, Богданова и Базарова — нетрудно признать "ницшеанцами", охарактеризовать так крупнейших "неоидалистов" — Льва Шестова, Николая Бердяева, Семена Франка, Николая Лосского и Сергея Булгакова — совершенно невозможно»¹³. Вопрос о влиянии идей Ф. Ницше на мировоззрение А.А. Богданова, как видим, вполне законен¹⁴, и ответ на него, действительно, скорее всего положительный: замечательно в этом отношении, например, выступление А.А. Богданова десятилетие спустя — уже в другую историческую эпоху — 18 января 1923 г. в стенах Социалистической академии общественных наук. Это выступление в

прениях по докладу Е.А. Преображенского «Гениальность и талант с социологической точки зрения». Богданов говорил о рождении, «прорыве» новых идей, об отличии гениального творчества от талантливой работы: «Разорвана граница двух областей, она переходит там, где надо что-нибудь устроить, образовать, но она (талантливая работа. — П.П.) эту систематизацию производит на определенном поле, она ее выполняет более стройно, более законченно, чем гений. Но это и понятно, у гения обходные пути, беспорядок, потому что он (смешивает.— П.П.) две области, он разрывает границы, он обходно получает известную степень беспорядка, хаоса, о котором говорил Ницше, — это неизвестно, то, что мы можем там ожидать, и произведение гения с точки зрения критерия таланта должно всегда иметь недочеты»¹⁶. Быть может, А.А. Богданов подразумевал здесь афоризм 225 «По ту сторону добра и зла»: «В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть также и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день — понимаете ли вы это противоречие?»¹⁷. Во всяком случае, именно словами Ницше лучше всего выразить богдановское революционное мироощущение: «... Понимаете ли вы, что ваше сострадание относится к "твари в человеке", к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, — к тому, что страдает по необходимости и должно страдать?»¹⁸.

Следующее письмо А.А. Богданова из России в Женеву (4 марта 1914 г.), кроме фактического материала, содержит важный штрих к его политическому портрету: «Есть в уравнении огромная величина, — сознается он (за три года до Февральской революции), — которую я слишком мало знаю: позиция и культурный уровень крестьянства»¹⁹.

Нужно сказать, что оба письма А.А. Богданова из России (4 и 13 марта 1914 г.) были им законспирированы: в письме от 4 марта речь идет о «гистололизе» — о разрушении старой и «кристаллизации» новой пролетарской культуры; в письме же от 13 марта Богданов пишет о себе в третьем лице.

Остается добавить, что исследование и издание русских документов из зарубежных архивов не только возвращает нам утраченное идейное наследие, но и способно значительно обогатить наш взгляд на историю развития русской общественно-политической мысли²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 6. Л. 3-^а. ² Там же. Д. 13. Л. 45 (автограф).

³ Вперед. Сборник статей по очередным вопросам. Париж: Изд. группы «Вперед». 1911. № 2. Февраль (первый номер вышел в июле 1910 г.).

⁴ Деятели СССР и революционного движения России. Энцикл. словарь Гранат. М., 1989. С. 362.

В архиве Женевского университета, по «Списку административного персонала, профессоров, студентов и слушателей Университета г. Женевы» Александр Богданов числится как слушатель на факультете словесности и общественных наук в зимнем семестре 1899—1900 гг. ⁶ Все письма имеют один шифр: *Bibliothèque publique et universitaire CH-1211 Geneve 4 Ms. (manuscript) supplement 1329.*

А.В. Луначарский — член идейного кружка группы «Вперед» в Париже — был в то время весьма близок богдановскому мировоззрению.

⁸ Geneva. Ms. suppl. 1329. F. 39, 44.

⁹ Там же. F. 14.

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 37 (запись не ранее 1925 г.).

¹¹ Geneva. Ms. suppl. 1329. F. 29.

¹² *Шестов Л.* Доброе учение гр. Толстого и Фр. Ницше // *Вопр. философии.* 1990. № 7. С. 68.

¹³ *Михайлов М.* Великий катализатор: Ницше и русский неоидализм // *Иностр. лит.* 1990. № 4. С. 197.

¹⁴ См. также предисловие А.В. Луначарского к книге М.Г. Лейтейзен «Ницше и финансовый капитал» (М.-Л., 1928).

Зачислять на этой основе А.А. Богданова в «богостроители» вместе с Горьким и Луначарским, кстати сказать, не представляется возможным: не говоря уже о том, что сама классификация

«богостроителей» весьма проблематична, философ А.А. Богданов по глубине своей и сложности никак не уместается в эту поверхностную схему.¹⁶ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 13. Л. 38 (вправленная стенограмма).

¹⁷ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 М.: 1990. С. 346.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Geneva. Ms. suppl. 1329. F. 71.

²⁰ Насколько успешен этот путь свидетельствует изучение французской исследовательницей Ю. Шеррер переписки А.М. Горький — А.А. Богданов (Италия, Рим, частный архив Лелио Бассо), которая готовится ныне к печати См Стенограмма международной конференции «А.А. Богданов (Малиновский) — революционер и мыслитель» (апрель 1989 г.). Сообщение Ю. Шеррер «А.М. Горький — А.А. Богданов (переписка)». 1989. 10 апреля. Маш. экз. («Мосгорархив»). С. 23—52.

I. В Женевский идейный кружок «Вперед»

Уважаемые товарищи, я получил письмо Ваше, в котором Вы высказываетесь за мое возвращение в группу «Вперед», и ряд Ваших резолюций по поводу этой группы¹. Я глубоко сочувствую мотивам Вашего обращения ко мне. Тем не менее я вынужден дать отрицательный ответ, определенно и бесповоротно. Дело в том, что если с Вами у меня нет сколько-нибудь серьезных расхождений, то с нынешней коллегией «Вп[еред]>>» они есть, и весьма глубокие. Разница между мной и Вами — в степени осведомленности. Вы легко можете себе представить, что когда работник, который, вероятно, больше всех других вложил своего труда, сил и здоровья в организацию группы, нравственно и формально порывает с нею, то он это делает не сразу, а после долгого исследования и усилия к тому, чтобы избежать этого. Фактически я вышел из коллегии в январе прошлого года, надеясь, что мой уход удовлетворит пару мелких честолюбив, отравивших жизнь и работу группы²; в течение года я со стороны еще поддерживал коллегию и не публиковал о своем уходе. Но в конце концов я принужден был считаться с очевидностью непоправимого упадка. Измельчание программы, вступление на путь заграничной дипломатии³, неработоспособность полная при наличии кое-каких хороших сил — что может быть яснее этого? Чем скорее ликвидация, тем лучше; и если бы от меня зависело «толкнуть падающего», я сделал бы это. Но я не могу заняться и этим, по не менее серьезным причинам.

За последнее время со все большей ясностью для меня выступала, в прямом опыте работы, огромная важность революционно-культурной задачи. И я решил посвятить ей себя. Когда настанет момент, когда будут люди и средства, я употреблю все усилия к организации «Союза социалистической культуры», который, как я полагаю, не будет партийной фракцией, и не будет конкурировать с собственно политическими организациями, хотя вначале, конечно, найдет опору только в наиболее последовательно-революционной части с[оциал]-д[емократии]. А пока — я буду вести литературную и пропагандистскую подготовку этого дела, как, надеюсь, будут поступать и другие сочувствующие ему товарищи. Оно возьмет все мои свободные силы, и без того подорванные несколькими годами вынужденного участия в бессмысленных склоках, сначала Бол[ьшевистского] Центра, а потом группы «Вп[еред]». Понятно, что разыгрывать в лицах басню о «Лебеде, Раке и Щуке» я, из уважения к своей задаче, должен предоставить желающим.

В Ваших резолюциях говорится о «переизбрании» группы «Вп[еред]>>». Это недоразумение. Вопрос мог бы быть только о распусчении и избрании, п[отому] ч[то] в нынешнем составе она вовсе не выборная. Она возникла, как инициативная группа из 16 чел[овек], подписавших ее платформу. Теперь из этих 16 в ней осталось 3, плюс 2 кооптированных в 1911 году. Думаю, что на выборность коллегии большинство ее не пойдет, по понятным причинам. Но если бы, сверх ожидания, Вы добились

выборности, о моей кандидатуре и тогда не могло бы быть речи. Задача, которую я взял на себя, достаточно велика, чтобы ей следовало отдать все силы. «Непосредственная политическая деятельность» только тогда станет для меня возможна, когда не будет мешать ей. Но мой накопленный партийный опыт всегда, конечно, к Вашим услугам.

7 марта 1912. С товар[ищеским] приветом

Максимов

(Geneva. Ms. suppl. 1329. F. 8—10.)

II. 4. III. [1]914 г.⁴

Дорогие друзья,

долго не собрался ответить на частное письмо М. и Ж.⁵, потому что и утра, и вечера были заняты, а сообразить, что и как — нужно было время. В общем — мало могу сказать утешительного. Рассчитывать на появление сколько-нибудь близкой газеты пока не приходится. Уже денежная сторона — препятствие непреодолимое. Даже те газеты, которые⁶ существуют, постоянно в опасности закрыться от недостатка денег; даже для них единственный источник — гроши снизу; а на эти гроши покушаться третьим было бы теперь бесплодно. Те же, у кого есть деньги, их не дадут: никакой финансовый талант не преодолеет идущего классового самоопределения.

В Москве же, кроме невозможности финансовой, есть другая: закрылась бывшая здесь газета поневоле, — физически нельзя было ей жить⁷.

Нынешний гистологиз ведет к самоопределению, которое есть кристаллизация тканей будущего насекомого⁸. Чтобы насекомое выползло из куколки, оболочка должна разорваться; это ясно. Но форма насекомого тут не скована настолько биологическим прошлым вида, как у настоящих насекомых, и может оказаться та или иная, в зависимости от степени развития, от соотношения сил разных тканей к моменту разрыва. Поэтому ясна только задача — работать для кристаллизации насекомого в наилучшую форму, без принижения в чем бы то ни было; а вероятный результат будет выясняться лишь постепенно. Есть в уравнении огромная величина, которую я слишком мало знаю: позиция и культурный уровень крестьянства. По-видимому, они сильно изменились в благоприятную сторону, но... А другая величина, конечно, растет быстро, как ей свойственно, и самоопределяется во всех областях. Вопрос об ее культуре стал модным...

Пока, мое мнение: делать, что позволяют возможности гистологиза, ждать, изучать...

Привет всем Ваш А. (Geneva Ms. suppl. 1329, F. 70—71.)

III. 13—III—1914⁴

Дорогие друзья, посылаю еще вырезку из газет⁹. Всей этой любезной переписке я склонен придавать лишь весьма относительное значение. Конечно, подлости и клеветы без ответа оставлять нельзя, но не на этом пути их удастся преодолеть. С другой стороны, я полагаю, что не вполне правы Ж. и М.⁵, усиленно настаивающие на основании во что бы ни стало **своего** журнала или газеты. Это требует сейчас огромной затраты сил, — может быть, их **растраты**; а самому размножению зародышей сочувствовать не приходится: оно допустимо лишь в крайнем случае. Надо стараться войти в ту работу, какая есть, и вносить в нее свое; только полная невозможность этого, когда она будет выяснена вынудит к обособлению. Б[огданов],

напр[имер], делает попытку принять участие в возникающей здесь еженедельной газете (выйдет недели через 1,5, пока редакция склонна собирать силы, а не разгонять).

Конечно, если вмешательство Щетербурга сорвет это, вопрос будет стоять иначе. Заметили ли Вы, что в том же № «Просвещения»¹⁰, где невежественно-бесстыдная статья, отлучающая Богданова,¹¹ имеется статья о пролет[арской] культуре¹², обкрадывающая старую платформу и «Куль[урные] задачи»¹³? Наши идеи вопреки всему проникают в жизнь, и плагируются даже врагами. — Б[огданов] просит передать М. и Ж., что их письмо пришло с опозданием, и что он, Б[огданов], стоит за меньшую прозрачность намеков: понять сумеет.

Самый горячий привет всем вам. Ваш А.

(Geneva. Ms. suppl. 1329, F. 72)

IV. Письмо в редакцию

На мое письмо, напечатанное в № 16 «Новой Рабочей Газеты», теперь прекращенной, бывшая редакция «Пролет[арской] Правды» ответила в № 2 газ[еты] «Путь Правды». По поводу этого ответа, я прошу вас позволить мне печатно установить несколько фактов.

1) 18 дек[абря] прошлого года я обратился в ред[акцию] «Пролет[арской] Правды» с запросом по поводу полученного мной сообщения, что мое сотрудничество признано нежелательным. Я писал: «Так как в течение 1913 г. я был вашим сотрудником, то прошу вас сообщить мне мотивы перемены в наших отношениях». 5 января получился ответ от секретаря редакции. Не отрицая факта разрыва, он в то же время писал: «В ответ на ваше письмо редакция уполномочила меня написать вам, что *...редакция и все ее члены в отдельности такого вопроса не ставили*». (Курсив мой; пропуск, сделанный для краткости, смысла не изменяет.)

2) В мае прошлого года редакцией была отвергнута одна из моих статей — «Идеология». В октябре редакция категорически заявила мне, что продолжение моего сотрудничества желательно, и по **моей просьбе** обещала сообщить мне подробно, что именно в ст[атье] «Идеология» она нашла неподходящим; я заявил: «Мне это необходимо, чтобы точно знать, как мне для вас писать не следует». В конце ноября ряд имен, мое в том числе, исчезли из списка сотрудников.

3) Через неделю после ответа редакции на мой запрос о причинах разрыва — 12 января — я неожиданно получил письмо секретаря по старому, уже, очевидно, потерявшему значение вопросу — о «соображениях, которыми руководилась редакция, не помещая статью об идеологии», как было сказано в начале этого письма. Я удивлялся: к чему это теперь, когда я уже давно не сотрудник? Какая запоздалая любезность!

И вот, редакция печатает это письмо в качестве объяснения причин, по которым я (а, может быть, заодно и все другие исчезнувшие сотрудники?) был устранен от работы в газете. Но ведь даже в самом письме сказано, что оно относится не к этому, а к другому вопросу — о причинах ненапечатанья старой, девять месяцев тому назад написанной статьи!

Статья не напечатана, и нет возможности выяснить насколько извратила весь ее смысл своим изложением редакция¹⁴, вырывающая из нее даже не целые фразы, а отдельные слова вне их связи. Но не о статье и шла речь. Ясно **зачем** было написано последнее письмо редакции ко мне: чтобы «было, что сказать», и запутать дело ответом не на вопрос, когда я расскажу то, что было. Мне грустно давать такую характеристику поведению людей, с которыми работал; но факты говорят непреложно: «ответ» мне редакции — **недостойная увертка**, и, к сожалению, вполне обдуманная, сознательная. Это — не «пролетарская правда».

А. Богданов

(Северная Рабочая Газета, № 2, 31 янв. 1914 г. С. 3)¹⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О резолюции Женевского идейного кружка «Вперед» от 2 марта 1912 г. см. письмо П.И. Лебедева-Полянского от 24 июля 1913 г. (Geneva. Ms. suppl. 1329, F. 33).

² Очевидно, имеется в виду особенно острая критика взглядов А.А. Богданова со стороны Г.А. Алексинского и Д.З. Мануильского.

³ 18(5) ноября 1913 г. П.И. Лебедев-Полянский, вполне разделявший взгляды А.А. Богданова и А.В. Луначарского, писал: «Мы рассматриваем политику в связи с общим развитием пролетарского движения, пролетарской культуры, — для нас политическая борьба по своему смыслу всегда остается в классовом масштабе и есть выражение организационного процесса, происходящего в рабочем классе, комбинирующем и координирующем силы своя против классовых врагов. Для т.т. А[лексинск]ого и Б[езработн]ого политика есть особое специальное занятие, независимое от развития рабочего класса, — политика — шахматная игра, — политик — ловко составляющий нужные комбинации из тур и пешек. Для них политика может быть кружковой, групповой с разными блоками и другими комбинациями» (Geneva. Ms. suppl. 1329, F. 42).

На письме имеется штамп: Российская Социал-демократическая Рабочая Партия. Женевский Идейный Кружок «Вперед».

⁵ Установить, кто скрыт под этими инициалами не удалось, однако в фонде Богданова в РЦХИДНИ хранятся его письма этого периода, адресованные «тов. Жоржу» с упоминанием Миши (Цхакая) (Ф. 259. Оп. 1. Д. 54. Л. 4—4об., 9).

⁶ Далее зачеркнуто: уже.

⁷ Возможно, имеется в виду «Новая Рабочая Газета» (см. документ IV данной публикации).

⁸ Эзоповым языком А.А. Богданов, очевидно, говорит о «самоопределении» и «кристаллизации»

пролетариата — его культуры, подразумевая ее под насекомым. Гистоллиз — разрушение тканей организма. В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб., 1893) читаем: «У насекомых, при превращении их во взрослое состояние (именно в стадии куколки), более или менее значительная часть тканей тела подвергается процессу Г. и на место этих разрушающихся органов развиваются новые из особых, так называемых иmagинальных зачатков (imago — взрослое насекомое, в противоположность личинке и куколке) (т. VIII^а С. 767).

⁹ Документ IV.

¹⁰ «Просвещение» — ежемесячный общественно-политический, экономический и литературный журнал марксистского направления (СПб., декабрь 1911 — июль 1914 гг.). В числе постоянных сотрудников значились: И. Аксельрод, Н. Бухарин, Демьян Бедный, Н. Волгин, М. Горький, Г. Зиновьев, В. Ильин, Ю. Каменев, М. Ольминский, П. Орловский, Н. Осинский, М. Покровский, И. Степанов, К. Сталин, Ю. Стеклов и др.

¹¹ Имеется в виду статья Вл. Павлова «О некоторых чертах философии А. Богданова» в «Просвещении». (1914. М 2. Февраль. С. 22—31).

¹² Имеется в виду статья «товарища-меньшевика» Т.М. «Пролетарская культура в ликвидаторском освещении». С. 91—99.

¹³ Богданов А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911.

¹⁴ В «Северной Рабочей Газете» Ms 23 от 7 марта 1914 г. А. Богданов поместил другое «Письмо в редакцию», где писал: «... Я обещаю, что при первой возможности напечатать статью "об идеологии", конечно, вместе с другими, продолжением которых она является ("Класс", "Партия"). А пока, если кто захочет судить о деле по существу — идеалистические ли в ней идеи, — я могу указать только другой источник: целую книжку, написанную мной на тему этой статьи, "Наука об общественном сознании в вопросах и ответах"» (с. 4). (См.: Богданов А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М., 1914). В той же «Северной Рабочей Газете» Ms 12 от 22 февраля 1914 г. была помещена заметка «А. Богданов и "Путь Правды"»: «За подписью 13 товарищей — "левых марксистов-большевиков" к нам поступила копия открытого письма, адресованного редакции "Путь Правды" и запрашивающего эту газету о причинах отстранения А. Богданова от сотрудничества в большевистском органе и об ее "выпадах" против группы "Вперед"» (с. 4). Газета "Путь Правды" ответила на это письмо статьей редакции «Об А. Богданове» (1914. № 21. 25 февраля. С. 2).

Подготовка публикации, предисловие и примечания П. А. Плютто